УДК 329.12(47)(091)

Горлов А.В.,
ст. преподаватель кафедры «Философия и история»
ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК»

ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТРУДАХ ТЕОРЕТИКОВ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ)

В статье анализируется модель государственного управления, представленная во взглядах Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы); с точки зрения автора статьи, кадетская модель государственного управления имела ярко выраженный центристский характер, однако в реальности, несмотря на свою центристскую ориентацию, кадеты в своих взглядах уклонялись и вправо, и влево от центристской политической идеологии, представленной в России начала XX века.

Ключевые слова: Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы), крестьянский вопрос, сельская община, рыночное общество, социализм, либерализм, революционная демократия, центристская организация государственного управления.

В октябре 1905 г. на волне революционных событий возникла Конституционно-демократическая партия, второе название которой (с января 1906 г.) – Партия народной свободы. Типичными кадетами были интеллигенты: педагоги, адвокаты, врачи, журналисты, земские и городские служащие. «В сущности, – отмечает А.А. Кизеветтер, – в К.-д. партию хлынула вся та часть русской интеллигенции, которая не примыкала ни к реакционерам и к охранителям, ни к сторонникам социальной революции в смысле немедленного переустройства общества на социалистических началах»[1].

«Мы все горели искренним, бескорыстным, неутолимым желанием как можно скорее ввести в России самый усовершенствованный строй», – говорит о членах Конституционно-демократической партии видная её представительница А.В. Тыркова-Вильямс[2]. Однако факты говорят о том, что кадеты, в отличие от большевиков и эсеров, с преобразованием Российского государства отнюдь не

спешили, причём кадетская неторопливость имела не случайный, а сознательный, принципиальный, фирменный характер. Особая заслуга в создании этого фирменного стиля КДП — ПНС принадлежит бессменному партийному лидеру П.Н. Милюкову, который приложил немало усилий, чтобы в любой ситуации члены его партии действовали максимально расчётливо, взвешенно, не поддаваясь крайним настроениям.

При решении серьёзных политических вопросов кадеты проявляли величайшую осторожность. Больная и застарелая проблема земельной собственности не была для них исключением. По воспоминаниям Милюкова, он и его соратники отчётливо представляли себе, что здесь они вступали «на вулканическую почву, где сталкиваются противоположные классовые интересы и ведётся борьба, не считающаяся ни с законами, ни с властями»[3]. Тем не менее распутать аграрный клубок противоречий кадеты предполагали не иначе, как законным, парламентским путём.

В первую очередь российское крестьянство страдало от малоземелья, ставшего чрезвычайно острым ещё в 1861 г., когда в ходе размежевания с сельскими общинами помещики захватили львиную долю сельскохозяйственных угодий, а общинникам оставили столько, сколько не хватало даже для их выживания. «В итоге реформ 60-х годов XIX века в России, — подчёркивает О.Г. Буховец, — крестьяне лишились значительной части находившейся в их пользовании земли»[4]. С ростом сельского населения и разорением бедняков, отмечает Л.А. Панов, «величина крестьянских наделов за XIX в. «съехала» с 5 до 3 десятин. При полном отсутствии у крестьян денежных сбережений каждый неурожай вызывал массовый голод и требовал государственного вмешательства для предоставления продовольственной нормы»[5]. «Большинство крестьян находилось на грани голодного существования, — пишут на эту тему С.В. Тютюкин и В.В. Шелохаев, — поскольку для обеспечения прожиточного минимума обычной крестьянской семье требовалось примерно вдвое больше, чем фактически приходилось в среднем на одно мужицкое хозяйство. Бедняки составляли в России половину общего числа крестьянских дворов, а середняки — лишь около 30%. В 1900 г. в европейской части страны насчитывалось около 30 млн. «избыточных» рабочих рук...»[6]

Несмотря на вопиющую бедность сельских общин, кадетские теоретики предпочитали обходить острые вопросы земельной собственности, сводя беды российского крестьянства к его бесправию, к произволу бюрократии. В этом плане показательна брошюра одного из создателей Конституционно-демократической партии В.Е. Якушкина, вышедшая в свет незадолго до опубликования манифеста 17 октября и посвящённая выборам в булыгинскую Думу.

«Если русская жизнь вообще представляет в настоящее время вид полного, тяжёлого беспорядка, то наиболее тягостно положение сельского населения, крестьянства», — характеризует Якушкин ситуацию в России начала XX века[7]. Что же тяготит её сельское население? «...Крестьянство, сидящее на земле и ею живущее, страдает от земельной тесноты, от малоземелья...»[8] Эту тему, главную для крестьян, следовало развить, но автор брошюры поспешил уйти в сторону: «Трудно положение крестьянства и в отношении земли, — своей мало, а нанимать приходится землю дорого, да и наёмной-то земли не везде достаточно, — и в отношении заработков. Но это ещё не всё: крестьянин до сих пор ещё не считается за взрослого человека, имеющего право жить, как он хочет, устраивать свои личные дела по своему желанию, дела своего общества, волости по общему согласию: и за личностью крестьянина, и за его общественными действиями установлена опека в лице земских и крестьянских начальников, и эта опека страшно стесняет, опутывает всю жизнь крестьянина; опека эта переходит часто в произвол начальников, и крестьянин не знает иногда, с какой ноги ему ступить, чтобы не нарушить «законных требований». Личность крестьянина связана, достоинство его ничем

не обеспечено, права его не ограждены правильным судом, так как он судится не общим судом, как все остальные люди, а волостным судом, который совершенно в руках волостного писаря и в полном стеснительном подчинении у земского начальника»[9]. И далее всё содержание брошюры сводится к тому, что для улучшения крестьянской жизни нужны либеральные свободы. Без них, утверждает Якушкин, «не может правильно действовать народное представительство, не могут быть правильно произведены выборы и правильно поставлены и разрешены законодательные вопросы»[10].

Представление о том, что главный крестьянский вопрос — не малоземелье, а бесправие, характерно для кадетской среды. В.А. Маклаков, вспоминая про 1905 г., особо выделил случай, происшедший с ним на заседании Звенигородского сельскохозяйственного комитета, где кроме местного дворянства присутствовали представители крестьянства. Маклаков выступил с докладом, в котором, будучи юристом, сделал упор на правовую сторону сельской жизни и, в частности, на нарушения законности. Присутствовавший на заседании земский начальник заявил, что тема беззакония не имеет отношения к сельскому хозяйству.

«Тут последовал для него главный конфуз, — пишет Маклаков. — Один из крестьянских земских гласных, типичный домохозяин, в армяке, с длинной бородой, не раз принимавший участие в прениях, притом в самом охранительном смысле, неожиданно встал и, обращаясь к председателю, заявил:

— Ваше сиятельство, это самое главное...

Это замечание, вышедшее из крестьянской консервативной среды, произвело громадное впечатление»[11].

Слова крестьянина, — а он, несмотря на свой феодальный антураж, был, скорее всего, из числа кулаков, крестьян-предпринимателей, — оказали чрезвычайно сильное воздействие прежде всего на самого Маклакова, который воспринял их как прямое доказательство справедливости юридического подхода к решению аграрных вопросов — подхода, ставшего визитной карточкой Конституционно-демократической партии: «Когда мой старый крестьянин по вопросу о злоупотреблениях власти объявил: «Это самое главное», это было откровением, на которое закрывать глаза для умной власти было бы опасно. ...В совместном устранении этого зла была прекрасная почва для примирения с обывателем»[12].

Всё же совсем игнорировать проблему малоземелья кадеты не могли. Для её решения программа Партии народной свободы предлагала «увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, ... государственными, удельными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путем отчуждения для той же цели за счет государства в потребных размерах частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке»[13].

Это не что иное, как полумеры, ибо государственных и церковных земель для преодоления крестьянского малоземелья было явно недостаточно, а помещичью («частновладельческую») собственность предполагалось отчуждать лишь «в потребных размерах» (?), да ещё и «с вознаграждением нынешних владельцев» по «справедливой» (?) оценке «за счёт государства», т.е., в частности, за счёт ограбленных этими владельцами или их предками крестьян. Компромиссный характер кадетских предложений в сфере сельского хозяйства объясняется тем, что «в ходе реализации своей аграрной программы конституционные демократы ... старались в максимальной мере, даже в деталях, оставаться в рамках действовавшего права»[14], другими словами — в рамках государственной власти.

Мы видим, что, искренне считая себя либералами, т.е. сторонниками рыночного общества с максимально широкими возможностями для проявления личной предприимчивости, кадеты явно не горели желанием предоставить предпринимательские возможности безземельным и малоземельным крестьянам, т.е. подавляющему большинству населения тогдашней России, и, стало быть, на деле

либералами не были. А кем же они были? С момента своего рождения и вплоть до февральской революции 1917 г. Конституционно-демократическая партия пребывала в центре российского политического спектра, лавируя в правую и левую стороны. Справа от них располагался лагерь либерализма, ядром которого была ПСР, а слева — лагерь социализма во главе с большевиками. Рядом с кадетами, — то справа, то слева от них — занимало позиции царское правительство.

Утверждение о том, что до 1917 г. кадеты представляли политический центр, противостоящий либералам и социалистам, может показаться странным. Однако именно такой вывод диктует объективный, не зависящий от каких бы то ни было мифологем анализ расстановки российских политических сил в начале XX века.

В своих мемуарах П.Н. Милюков ясно говорит о том, что его главные усилия в деле создания политического имиджа КДП — ПНС были направлены на формирование у партии ярко выраженной центристской ориентации, требующей постоянного лавирования между правым и левым полюсами политического спектра. В 1905 г., заявляет Милюков, «не только по настроению, но и по разумному расчёту» кадетам следовало расположиться левее правых и правее левых. По его мнению, так и случилось, а в результате «между этими двумя пределами мы достигли наконец собственного самоопределения: мы стали той группой, за которой установилась не нами выбранная, но характерная кличка «кадетов»: нас стали узнавать по нашему собственному паспорту»[15].

Однако стремиться к центру и быть в центре — это не одно и то же. Политическая борьба в России начала XX века имела настолько сложный, запутанный характер, что определять, где право, где лево, было подчас чрезвычайно трудно.

В частности, партию эсеров кадеты безоговорочно относили к лагерю социалистов, куда относили себя и сами эсеры, хотя в действительности ПСР выступала как ведущая сила противоположного, либерального лагеря, т.е. играла политическую роль, на которую наивно претендовали кадеты. Не была безупречной и политическая ориентация социал-демократов. Подчёркивая сходство кадетских и эсеровских взглядов, они явно перегибали палку, и П.Н. Милюков отмечает эту ошибку с нескрываемой насмешкой: «Наша «либеральная демократия» и даже «революционная демократия» социалистов-народников одинаково отчислялись в категорию «мелкобуржуазных» партий»[16]. Таким образом, можно утверждать, что лидеры всех ведущих политических сил России начала XX века допускали серьёзные просчёты при определении своего места на политической арене, что вело к непоследовательным тактическим и оперативным действиям партийных организаций.

КДП — ПНС пыталась закрепиться в центральном секторе политической жизни, держась чуть левее царского правительства, которое и кадеты, и эсеры, и социал-демократы примитивно рассматривали не иначе, как оплот правых сил, надёжный ориентир справа. Но на самом деле правительство, как и КДП — ПНС, стремилось быть в центре и для этого, с одной стороны, вводило либеральные свободы, а с другой — усиливало государственное регулирование экономики.

В 1905—1907 гг. даже чиновники высочайшего ранга не считали для себя зазорным поиграть со словом «социализм» и даже предлагать конкретные «социалистические» мероприятия. «...Все части государства, — говорил, к примеру, председатель Совета министров П.А. Столыпин, выступая в Государственной думе 10 мая 1907 г., — должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабейшей его части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и су-

щественные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части процентов, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную им землю»[17].

В результате активной правительственной политики конституционные демократы, обладая гораздо меньшим политическим весом, чем царские чиновники, то и дело попадали в крайне неудобное положение оттеснённых в сторону — то вправо, то влево от занимаемого правительством центра. Со стороны это нередко выглядело как метания кадетской Моськи вокруг правительственного Слона, что крайне негативно сказывалось на репутации конституционных демократов.

Вспомним историю создания КДП. На её учредительном съезде в качестве одного из главных вопросов рассматривались выборы в булыгинскую Думу. Хотя, по воспоминаниям Милюкова, отношение к последней было «безусловно отрицательным»[18], кадеты намеревались принять в ней участие, чтобы скорректировать этот «правый», по их мнению, правительственный проект с учётом левых настроений общества.

И вдруг правительство преподнесло членам учредительного съезда коварный сюрприз: «...В последний день, уже к концу затянувшегося съезда, в зал вбежал запыхавшийся сотрудник дружественной газеты. Он потрясал смятым корректурным листком, на котором непросохшей типографской краской был напечатан текст манифеста 17 октября»[19]. «Этой беспримерной сенсации, — отмечает Милюков, — не ожидал никто из нас, — никто к ней не готовился»[20]. Смятение, охватившее учредителей КДП, было чрезвычайно сильным, и не мудрено: они рассчитывали торжественно объявить о появлении на российской политической арене партии центра, но раньше, чем они, такое объявление сделал царь, а в роли партии центра выступило царское правительство. В.А. Маклаков, один из виднейших представителей КДП, оценил появление манифеста 17 октября весьма примечательно: «Освободительное движение на этом было кончено. Наступила эра «конституционной монархии» и роль политических партий»[21].

Мы видим, что с самого своего рождения КДП, претендуя на центральное положение в политической жизни России, оказалась в зависимости от другой, более мощной центристской организации — царского правительства. Это предопределило фирменный стиль кадетской партии: плестись в хвосте не только революционных, но и эволюционных (реформационных) событий, стараясь при этом путём изощрённого лавирования добиваться того, чтобы максимум выгоды из российских политических коллизий извлекали не главные, ведущие их участники, а хвостовики-кадеты. Теоретическим оправданием хитрого хвостистского поведения служило представление о том, что у российского либерализма «не было самостоятельной силы»[22].

Ярким примером политического хвостизма кадетов является история их отношения к монархии. Пока в распоряжении царя имелись какие-никакие силы для удержания государственной власти, кадеты всячески демонстрировали свою лояльность к монархическому строю. Они, утверждает Милюков, считали «общепризнанным», что их партия при всей своей конституционности не должна быть республиканской[23]. Всё же единодушия по вопросу «Монархия или республика?» у кадетов не было, иначе партийная программа, опубликованная в 1906 г., перед выборами в первую Думу, не отвечала бы на этот важный вопрос пустой, ни о чём не говорящей фразой «Конституционное устройство Российского государства определяется основным законом»[24].

Однако в марте 1917 г., т.е. сразу же после свержения царской власти революционным народом, кадетский съезд незамедлительно высказался в пользу республиканского строя и поспешил внести соответствующее изменение в программу своей партии: «На всероссийском съезде 25 марта 1917 г. партия постановила голосовать в Учредительном Собрании за демократический строй правления, т.е. республику, во главе коей должен быть президент...»[25]

Постоянные трения между кадетами и царским правительством не мешали их тесным связям, что прекрасно отражено в воспоминаниях лидера Конституционно-демократической партии П.Н. Милюкова. Он, в частности, подробно рассказывает о переговорах между представителями царского правительства и КДП в июне 1906 г. о создании кадетского министерства[26]. Переговоры закончились ничем, но сам факт их проведения накануне роспуска I Думы говорит о многом. Кадетов и царское правительство объединяло представление о том, что Россия должна идти по пути модернизации государственной власти самой государственной властью, т.е. по пути строго дозированных реформ, позволяющих избегать как либеральных, так и социалистических крайностей.

Талантливый идеолог Конституционно-демократической партии П.И. Новгородцев, профессор, доктор государственного права, обладавший, как отмечено в его краткой биографии, опубликованной в 1906 г., «изящной речью»[27], попытался представить несамостоятельность кадетской политики по отношению к правительству как новейшее свойство либерализма, приобретённое им на рубеже XIX – XX веков. «Господствующие учения юриспруденции ещё продолжают повторять старые начала, – пишет Новгородцев, – но современное нравственное сознание в своих требованиях к праву значительно ушло вперёд. Старые формулы и формы, старые верования, заимствованные ещё от XVIII века, не удовлетворяют никого более; там и здесь высказываются новые требования, чувствуется потребность новых начал, но эти требования и начала не только не сложились в цельную теорию, но и самая почва для них ещё не расчищена ниспровергающей критикой старых понятий»[28].

Как объяснить кризисные явления в сфере правового сознания? Л.Н. Толстой, отмечает Новгородцев, видит их основную причину в том, что современная цивилизация увлеклась совершенствованием внешних, юридических форм человеческого существования и совершенно забыла о религиозно-нравственном совершенствовании отдельных личностей. «Проповедовать русским, что внешние формы жизни не важны, – возражает Толстому автор «Кризиса современного правосознания», – всё равно, что людям, настрадавшимся от долгого пребывания в тесном и душном помещении, говорить, что для них не важно перейти в светлый и просторный дом. Конечно, жить в светлом доме не значит иметь всё, что нужно для полноты человеческого существования; но во всяком случае это такое наглядное и бесспорное благо, ценность которого нет необходимости доказывать и защищать»[29].

Однако, отмечает Новгородцев, вопрос, который ставит великий русский писатель и моралист, «гораздо глубже и серьёзнее. Очевидно, он лежит за пределами конкретных стремлений русского освободительного движения и имеет более общее и всеобъемлющее значение»[30]. Обвинительный приговор Толстого по отношению к достигнутому уровню цивилизации «обусловливается наличностью некоторых неудовлетворённых запросов и неосуществившихся стремлений, вызывающих ропот протеста, осуждение критики. И это несоответствие между идеальными целями современного государства и настойчивостью непрекращающихся исканий заставляет нас внимательнее отнестись к резким осуждениям современного политического быта»[31].

«Правовое государство в том виде, как оно возвещено было французской революцией, – подчёркивает автор «Кризиса современного правосознания», – перестаёт быть предметом безусловного поклонения, и самоё право, как созидательное начало общественной жизни, лишается того ореола всеисцеляющего средства, которое оно имело в глазах поколений, воспитанных на преданиях французской революции. Чем было для них право и правовое государство? «Земным богом», «высшей целью всемирной истории». Чем является оно для нашего времени? «Этическим минимумом», обеспечением элементарных условий общежития...»[32]

«Прежняя вера во всемогущую силу правовых начал, в их способность ут-

вердить на земле светлое царство разума отжила своё время», — констатирует Новгородцев[33]. История показала, что «правовое государство не есть венец истории, не есть последний идеал нравственной жизни; это не более, как подчинённое средство, входящее как частный элемент в более общий состав нравственных сил»[34]. Однако, подчёркивает автор «Кризиса современного правосознания», этот частный элемент необходим для современной цивилизации, его нужно не отвергать, а развивать.

По мнению Новгородцева, осуществлять развитие правового общества следует в рамках либерализма, но не того, который господствовал в правовом сознании XVIII века, а в середине следующего столетия уже «находился в состоянии разложения и отступал перед растущими успехами государственного социализма»[35]. Речь о другом, новом либерализме, представляющем собой «известный синтез индивидуализма и социализма, идей либеральных и демократических»[36].

В обновлённом либерализме изжита враждебность по отношению к государству: «Если старый либерализм, горячо стоявший за свободу, отстаивал её против государства, вмешательству которого в жизнь он не доверял, либерализм современный для осуществления своего идеала свободы требует государственного содействия, которое он считает благодетельным»[37]. Однако либералам не следует забывать, что правовое государство имеет тенденцию уравнивать живущих в его границах людей, нивелировать их сознание, стирать их индивидуальность, тогда как нормальное развитие культуры предполагает борьбу индивидуалистического и уравнительного начал[38]. В силу этого обстоятельства отношение либерализма к государственной власти, не будучи враждебным, должно оставаться напряжённым. Одной из главных задач современного либерального движения, считает Новгородцев, является постоянная забота о том, чтобы центр тяжести государственной системы воспитания граждан был возложен «не столько на механически-однообразное действие внушённых правил, сколько на свободные усилия развитой личности»[39].

Это требование к государству поддерживать интересы личности, обеспечивать ей условия всестороннего развития следует закрепить законодательно, утверждает Новгородцев в статье «Право на достойное человеческое существование» (1905 г.). «Среди тех прав, которые помещаются обыкновенно в современных декларациях, — отмечает он, — нет одного, которое по всем данным должно бы было найти место в символе веры современного правосознания: это — право на достойное человеческое существование. А между тем, если есть какая-либо яркая и отличительная черта того нового воззрения, которое всё более даёт себя знать в различных общественных заявлениях, так это именно — признание за указанным правом не нравственного только, но и юридического значения. В этом случае на наших глазах совершается один из тех обычных переходов нравственного сознания в правовое, которыми отмечено прогрессивное развитие права»[40].

«...Политическая жизнь нашей эпохи, — подчёркивает автор «Кризиса современного правосознания», — стоит ... пред необозримой сложностью проблем и необходимостью чрезвычайных усилий к их разрешению»[41]. Однако эти проблемы не должны приводить либерального государственного деятеля в отчаянье. «...Если в государство вообще теперь верят менее, чем прежде, в том смысле, что не ждут от него всеобщего счастья, зато современному государству, ставшему ближе к народу, более доверяют, чем государству прошлого времени, и вследствие этого менее опасаются расширения его задач. Худо ли, хорошо ли, но в пределах, для них доступных, политические деятели наших дней энергично работают над разрешением поставленных вопросов с уверенностью, что они идут по верному, хотя и медленному пути»[42].

Итак, согласно П.И. Новгородцеву, кадетский либерализм не отличается самостоятельностью, яркой индивидуальностью не в силу своей инфантильности, недоразвитости, а в силу того, что он и не

должен быть самостоятельным, ибо современное либеральное движение представляет собой «известный синтез индивидуализма и социализма». Этот синтез маячил в глазах идеологов КДП — ПНС не как заоблачный идеал, а как творимая ими реальность российской жизни. «И власть, действующая во имя объективного порядка, и личность, отвоёвывающая свою свободу, — вдохновенно писал один из основателей Конституционно-демократической партии М.М. Винавер, — становятся равноправными сторонами перед лицом третьей, стоящей над ними обеими, инстанции, — перед судом, которому одинаково должен быть дорог и объективный порядок, и интерес личности. И чем шире функции суда в коллизиях власти с индивидуумом, и чем больше в процессе гражданско-состязательных элементов, тем ближе отношения граждан к власти подходят к тому идеалу правового государства, к которому так страстно рвутся теперь все живые общественные силы»[43].

Считая, что Россия движется в направлении синтеза либеральных и социалистических ценностей, что этот синтез вот-вот осуществится в реальной повседневной жизни, кадеты выдавали желаемое за действительное. На самом деле в начале XX века в российском обществе шло активное размежевание либерального и социалистического движений, обе стороны собирали силы, чтобы единоличноно взяться за преобразование страны, а в результате «стремительно нарастали процессы распространения правового нигилизма и правового цинизма»[44].

---

[1] Кизеветтер А.А. На рубеже столетий: Воспоминания // Выборы в I—IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы). — М., 2008. — С. 75.

[2] Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе // Выборы в I—IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы). — М., 2008. — С. 176.

[3] Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 1. — Нью-Йорк, 1955. — С. 272.

[4] Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века. Новые материалы, методы, результаты. — М., 1996. — С. 66.

[5] Панов Л.А. Земельная реформа в России. Истоки и уроки. — М., 2001. — С. 52.

[6] Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. — М., 1996. — С. 17—18.

[7] Якушкин В.Е. Государственная дума. — Ростов-на-Дону, 1905. — С. 5.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 5—6.

[10] Там же. С. 13.

[11] Маклаков В.А. Из воспоминаний. — Нью-Йорк, 1954. — С. 335.

[12] Там же. С. 337.

[13] Полный сборник платформ всех русских политических партий. — СПб., 1906. — С. 64.

[14] Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906—1917 гг.). — М., 2005. — С. 377.

[15] Милюков П.Н. Воспоминания (1859 — 1917). Т. 1. Нью-Йорк, 1955. С. 316.

[16] Там же. С. 284.

[17] Столыпин П.А. «Нам нужна великая Россия...» Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911. М., 1991. С. 94—95.

[18] Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 1. Нью-Йорк, 1955. С. 305.

[19] Там же. С. 309.

[20] Там же.

[21] Маклаков В.А. Из воспоминаний. — Нью-Йорк, 1954. — С. 338.

[22] Там же. С. 328.

[23] Милюков П.Н. Воспоминания (1859 — 1917). Т. 1. — Нью-Йорк, 1955. — С. 307.

[24] Полный сборник платформ всех русских политических партий. — СПб., 1906. — С. 60.

[25] Программы главнейших русских партий. — [М.], 1917. — С. 41.

[26] Милюков П.Н. Воспоминания (1859 — 1917). Т. 1. — Нью-Йорк, 1955. — С. 376—387.

[27] Государственная дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. — М., 1906. — С. 27.

[28] Новгородцев П.И. Введение в философию права. Часть II. Кризис современного правосознания. — М., 1909. — С. 2.

[29] Там же. С. 4 — 5.
[30] Там же. С. 5.
[31] Там же.
[32] Там же. С. 12.
[33] Там же. С. 15.
[34] Там же. С. 16.
[35] Там же. С. 345.
[36] Там же. С. 346.
[37] Там же. С. 354.
[38] Там же. С. 390.
[39] Там же. С. 390.
[40] Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // О праве на существование. Социально-философские этюды П.И. Новгородцева и И.А. Покровского. — СПб., М., 1911. — С. 3.
[41] Новгородцев П.И. Введение в философию права. Часть II. Кризис современного правосознания. — М., 1909. — С. 392.
[42] Там же. С. 393.
[43] Винавер М.М. Из области цивилистики. — СПб., 1908. — С. 337.
[44] Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906 — 1917 гг.). — М., 2005. — С. 408.

Gorlov A.V., e-mail: strix63@yandex.ru
Senior lecturer of the department "Philosophy and History" of FSBEE HPE "State University-ESIC"

IDEAL MODEL OF STATE ADMINISTRATION IN WORKS OF THEORISTS OF CONSTITUTIONAL-DEMOCRATIC PARTY (PEOPLE'S FREEDOM PARTY)

In the article the model of state administration, presented in the views of the Constitutional-Democratic Party (People's Freedom Party) is analyzed; from the author's point of view, Cadet Model of state administration was centrist by nature, though in reality, despite centrist orientation, Cadets in their views deviated to the right and left from the centrist political ideology, presented in Russia in the beginning of the XX century.

Key words: Constitutional-Democratic Party (People's Freedom Party), the peasant question, the rural community, market society, socialism, liberalism, revolutionary democracy, the organization of centrist government.